

годня никто не покусится, потому что Лужков просто кепкой убьет.

– А актеры цирка на Цветном бульваре, которых вы отправляете за границу и по России, – сколько их примерно?

– Около трехсот человек.

– Много.

– Нет, немного, могло бы быть больше, если бы у меня были прокатные площадки в России. Тогда бы я создавал крупные номера с животными, инвестировал в крупных животных, что выгодно, а сегодня просто нет возможности.

Мне их негде ни держать, ни показывать. А так – запустил бы одну или две программы

по стране – чем плохо. Набрать артистов не вопрос. Я

– Сама развалится – это не беда была бы на самом деле. Я боюсь, что когда она развалится, то под своими руинами погребет то, что реально действовало и реально создано. То, что система проката уничтожена и Бог с ней, это произошло довольно давно. Я понимаю, что хороших программ на всех не напасешься, хотя можно это сделать. Есть люди, которые могут и хотят это сделать, только им не дают. Когда Смелянский пришел в Главк, он мне поставил не самые выгодные коммерческие условия. Но это было нормально. Было интересно работать – мы поехали по России с программой. Не с самой лучшей программой на свете, но с добротной, хорошей цирковой программой. Мы проехали через Ставрополь, доехали до Владивостока и повернули обратно, уже отработали Читку и поехали в Омск. И тут сменилось руководство, я прервал проект, рассчитался и все увез. При том, что я даю рекламу, оплачиваю гостиницы, кормлю животных, я плачу артистам, оплачиваю весь транспорт, керосин и прочее. И за это я еще должен платить три тысячи долларов с каждого спектакля. Почему? Я этого не понимаю. Сколько стоит поднять занавес в цирке? В Омске? Допустим, сорок тысяч рублей. Ну даже если пятьдесят. Десять тысяч прибыли с каждого спектакля. Даже если шестьдесят. Двадцать тысяч. Но не тысячу же процентов! Так не бывает. Поэтому мы свернулись и уехали. Есть люди, которые сейчас попытались с Госцирком работать. Они сворачиваются.

– А применительно к цирку на Цветном есть какая-то мечта? Вот уже провели реконструкцию, собрали иностранную программу, обзавелись молодыми режиссерами. Есть еще что-то?

– Если и хочется сегодня что-то сделать, то это относится к проектам, к программам. Будет то, чего жестоко не хватает и всегда не хватало: это гостиница. Мы за гостиницу платим сумасшедшие деньги, потому что артисты, в основном, иногородние. А с иностранцами – украинцами и белорусами – вообще беда. И мы подписали контракт с проектной компанией, они будут строить дом на нашей земле на хозяйственном дворе, где сейчас гаражи стоят. И частью дома будет гостиница, которая по контракту переходит к нам в собственность. Вот это серьезный проект. Это и для нас, и прежде всего для артистов очень хорошо. Наши-то понимают, что такое Россия, а иностранцы ни черта не понимают. Вот мы сейчас их в хорошую, казалось бы, гостиницу поселили. Но там тоже совок, потому что там воруют в номерах, гостей не пускают, электроприборы не разрешают, дежурная по этажу бдит. А они вообще ничего не понимают, да еще и по-русски не говорят. На них начинает орать кас-

теяньша, а негры наши и китайцы – что они поймут? А англичане тут пошли на рынок и кроссовки купили – «Найк» за девять евро.

– Скажите про людей своих что-нибудь хорошее.

– Факт, что все люди-то они выдающиеся.

– Вы имеете в виду артистов или сотрудников?

– Я артистов сейчас не беру.

– А разве может целый коллектив состоять из выдающихся личностей?

– Может. Сотрудники наши – все люди непростые. Все с характером. И все с амбициями приличными.

– А как же вы с ними справляетесь? Под лозунгом «Корона с головы не упадет»?

– Ну, во-первых, есть такая вещь, как человеческие отношения. А во-вторых, наверное, оценивается то, что людям никто ничего не приказывает. Я не очень люблю приказывать. И замы мои тоже. Всегда можно человека убедить, что это надо сделать. А командой – ну, это только совок может: «Фас, ко мне, сидеть!» Есть такие сотрудники, про которых точно известно, что инициативы от них не будет никакой. Он должен сделать то, что ему необходимо сделать. Как ему сказали, так это и будет сделано. И тоже это нужно ценить. Потому что в некоторых вещах излишняя инициатива бывает вредна. Если человек, которому поручено изготовить реквизит для номера, будет фантазировать, то артист может упасть. А длина трапеции, подкидная доска, да все, что угодно, рассчитывается по сантиметру, и от этого зависит жизнь человека. Там не нужно инициативы проявлять, там должно быть все четко сделано. А есть вопросы творческие, где фантазия ничем не ограничена, кроме бюджета. Дай волю – такого наворотят! Но опять-таки все можно обсуждать. На моей памяти за эти десять лет у меня не было ситуации, когда бы мы с человеком не нашли общий язык, потому что компромисс не я придумал. Всегда можно чем-то поступиться. Поэтому еще ни одного проекта не было, за который мы бы взялись и не довели до конца. Это тоже о многом говорит. У людей есть устремленность, хватка и желание сделать, если мы это решили. Все могут быть в разных отношениях друг с другом, но если надо... Артисты другое, они часто работают и с новокаиновой блокадой, и с температурой сорок – никто это подвигом не считает. Униформисты иногда ворчат, они люди в возрасте, но никогда не уходят.

– То есть в вашем коллективе собрались внутренне свободные люди, и вы это культивируете?

– Да, обязательно. Иначе они не будут работать так, как они работают. Если человек свободен, он будет лучше работать. Чем осознаннее для него то, что он делает, тем лучше он будет рабо-

предлагал в свое время директору цирковой компании на коллегии Министерства культуры: «Дайте нам пару ваших самых убитых цирков. Не в Кемерово, потому что туда надо будет ездить. В Рязани, в Ярославле, в Твери. Мы их поднимем. Но только лет на десять, иначе деньги вкладывать неинтересно». Но кто даст? «Чужой земли не надо нам ни пяди...»

– Надо подождать, пока эта система сама развалится?